

А.А. Галактионов, историк русской философии и социологии, был историком не только по профессии, но и по призванию. Он собирался написать воспоминания о событиях в Ленинградском, а затем в С-Петербургском Университете, с которым была связана большая часть его жизни а именно, с июня 1941 по октябрь 2002 года, времени его кончины, но все откладывал на потом. Сохранилось несколько его отрывочных воспоминаний, которые он продиктовал мне на машинку, относящихся к началу войны: о событиях в Университете, о переправе по Дороге жизни, о его кратком пребывании в Свердловске после выписки из госпиталя. Они представляют интерес, поскольку в какой то мере отражают обстановку того времени. Я воспроизвожу их так, как они сохранились в моей машинозаписи.¹

Я поступил на философский факультет Ленинградского Университета в 1941 году. Как окончивший школу с отличием был освобожден от вступительных экзаменов и, получив аттестат, сразу же, кажется 14 июня 1941 года, отнес его в Университет. Начало войны, насколько я помню, произвело оглушительное впечатление. И все же война не была воспринята как неожиданность. Тревожные разговоры начались уже в мае. Все внимательно следили за газетами, старались читать между строк. Припоминаю известное опровержение ТАСС 12 июня 1941 года. Оно не сняло напряжения, объясняя передвижение наших войск к западным границам обычной плановой передислокацией, не освободило от нарастающей тревоги.

на протяжении первых недель войны в нашей семье и в кругу моих друзей сохранялось настроение, что война продлится недолго, два, три месяца, максимум полгода.² Сейчас не могу определенно сказать, что питало такие настроения. События все нарастали, со школьным товарищем мы проводили в армию моего старшего брата, отца, потом наших школьных друзей Бориса Белензона, Леню Плочкина, Арона Марголиса. Как вновь принятые студенты, стали ждать своей очереди, которая до нас не доходила. В ожиданий событий, каких то решений, я поступил на фабрику им. Воскова, где занимался сколачиванием щитков для мин. Тогда мы еще не знали, что немцы, прорвав оборону на Лужском рубеже, вплотную подходили к городу. И это время мы явились в Университет, занятий еще не было. Предложили вступить в народное ополчение, мы согласились. Это был 104 полк, батальон народного ополчения Василеостровского района. Подразделение, в

1. Галактионова В.Д., вдова Галактионова А.А.

2. могу подтвердить, что так думали не только они.

которое мы были включены, размещалось в Академии художеств. Аудитории были превращены в военно-учебные классы. Часть из них была занята под койки, где мы ночевали. Домой нас отпускали очень редко, мы находились здесь на полном довольствии. Гуманцевский садик служил плацем, где учили маршировать, ружейным приемам. Никаких других учебных занятий, кроме /изучения/ известных нам отечественных винтовок, станкового пулемета, маршировки и еще некоторым совершенно элементарным вещам, не было. Это нас удивляло. Да и вооружены мы были кое как. Лишь в самом конце августа выдали кому японские, кому канадские винтовки.

В начале сентября обстановка в городе стала еще более напряженной. Я помню, что тревога усилилась, когда мы увидели на улицах обращения к населению города ленинградской партийной организации, ленсовета и фпонта. Появились большие расклеенные плакаты со стихотворением Джамбула "Ленинградцы, дети мои..."

не могу не упомянуть об обстоятельствах в связи с пожаром на Бадаевских складах. 8 сентября в 19 часов была объявлена тревога. В это время тревоги объявляли часто и вошли в быт ленинградцев так же как и артиллерийские обстрелы. Около 19 часов, когда была объявлена тревога, мы с группой товарищей-ополченцев были в наряде на крыше Академии художеств. Со стороны ярко заходящего солнца над заливом появились отчетливо видимые самолеты, на город надвигалась почти черная полоса. Вскоре она распалась на три части. Первая стала крутиться и бомбить порт и Кировский завод, вторая отвернула вправо, или, со стороны наблюдения влево, третья прошла над нами и пошла на Выборгскую сторону. Очень скоро вслед за грохотом бомб обозначились очаги пожаров, особенно густой черный дым виднелся в отдалении, в московском районе. Но это не все. Удивление и какое то тревожное предчувствие возникло при виде неожиданной иллюминации над крышами домов. Тысячи ракет взлетали и падали, создавал какое то сказочное явно неуместное свечение. Факельные огни четко разделились по цвету и по зонам: красные, зеленые, белые. На вопрос, что это такое? командир с лейтенантскими кубиками пожал плечами и неуверенно ответил вероятно, действует служба наведения зенитной артиллерии. На второй день все повторилось, но ракет стало меньше. Потом батальон построили поротно, на улицы Васильевского острова направились вооруженные патрули для подавления ракетчиков. Днем уже весь город знал, ракетчики - вражеская агентура, сигнальщики обозначали объекты бомбометания. Сейчас здесь нет надобности детально обсуждать эти события давно минувшего времени. Достаточно сказать, что уже тогда ленинградцы осознали простой факт, что есть внутренний враг "пятая колонна".

Помню, тогда задавались вопросы, как и когда формировались предатели, каковы каналы их связей, инструктаж, снабжение техническими средствами. Смотри об этом газеты того времени. Город быстро справился с этой угрозой и почти забыл о ней. наводились другие заботы, еще более сложные...

С первого сентября в Университете начались занятия. Днем мы ходили на лекции. Они продолжались с девяти до пятнадцати часов, затем возвращались в Академию художеств, где продолжались военные занятия. Военная специальность нашего подразделения определилась, мы стали артиллеристами. Ни матчасти, ни лошадей у нас не было, хотя были назначены все номера расчетов и ездовые подразделения. Ничего не сказавшему о службе в ополчении сказать больше не могу. Возвращаясь к делам факультета, помню, что деканат факультета находился там же, где и сейчас в здании исторического факультета, на третьем этаже.

... На Урал меня доставил один из санитарных поездов, эвакуировавших раненых и больных солдат ленинградских госпиталей, перегруженных и небезопасных. В конце марта 1942 года нас автомашинами привезли на Московский вокзал, где поезд простоял до темноты, а затем через Финляндский вокзал неторопливо доставил на берег Ладожского озера в район Борисовой гривы. Здесь без всякой суеты четко и быстро проходила перегрузка раненых из вагонов в автомашины, небольшие автофургоны на базе грузовиков-полуторок Горьковского автозавода. Грузенные автомобили с определенной регулярностью в 10-15 минут съезжали на берег озера и с правильными дистанциями набирали скорость. На озере просматривалось несколько линий трасс, залитых водой. по которым в двух направлениях туда и обратно двигались грузовики, выбрасывая в некоторых местах всплески брызг, сверкающих на мартовском солнце. Путь этот мы прошли довольно быстро, может быть так показалось потому что мы уже устали, были перегружены впечатлениями. На восточном берегу Ладоги, в Кабоне, всех вновь прибывших разместили в больших теплых палатках и сразу же принесли еду, пшеничную кашу с салом, вкус которой я запомнил на всю жизнь и думал, поглащая большую, просто огромную порцию, всего то два армейских половника, что впредь я буду обходиться без всяких кулинарных деликатесов, пшеничная каша с куском шпига будет теперь единственным и постоянным блюдом в моем рационе. От давно забытой сытости вся палатка немедленно заснула. А на рассвете, еще в сумерках, еще полусонных, снова грузили в поезд в классные вагоны с крестами на бортах. От этой погрузки остались два воспоминания. Во-первых, я заметил длинные уходящие вглубь леса штабеля белых мешков с мукой и пирамиды ящиков с концентратами и консервами.

Их непрерывно грузили на цепочкой стоящие грузовики. Во-вторых, в лесу находилось несколько небольших домиков вокруг которых /теснили молчаливые, закутанные в пестрые одежды женщины и дети. Многие из них^с трудом стояли на ногах, но все терпеливо ждали, слушая какие то оправдания майора, начальника эвакуационного пункта, повидимому, нас грузили вне очереди....

Путь на Урал в санитарном поезде был долгим, ехали недели две или более, потому что много стояли, пропуская встречные эшелоны с войсками и техникой, а к тому же кормить нас предпочитали на стоянках. Пищу в термосах и ведрах, в каждой руке по ведру, таскали солдаты, / при движении поезда/приходилось при переходе из вагона в вагон открывать и закрывать несколько дверей, при этом из ведер выплескивалась жидкость, которая на тормазных площадках замерзала, образуя трудно переходимую преграду. На станциях из ~~кухни~~ пищу носили по ж.д. путям, по перонам и эстакадам. Не уверен, что правильно могу объяснить этот факт, кухонной обслугой служили солдаты-татары и другие крепко сложенные восточные мужчины зрелого возраста.

Теперь известно, что санитарные поезда /Вера Панова "Спутники", и к.ф. "На всю оставшуюся жизнь"/ были госпитальными на колесах. В них совершались процедуры, операции и вообще действовал строгий больничный режим. Две или более недели прошли как то незаметно, в полусне, что нормально для ленинградских фронтовиков, большинство из которых помимо увечий еще страдали от последствий дистрофии, авитаминоза, почти цинги. Но все же несколько путевых картин, наблюдаемых с верхней полки я о ч е н ь я с н о п о м н ю д о с и х п о р /разрядка В.Г./ Часто на параллельных путях с нашим поездом стояли эшелоны с эвакуированными ленинградцами, из вагонов, часто типлушек, выносили трупы умерших в пути, по преимуществу детей, их складывали рядком, тут же стояли матери, измученные голодом, они даже не плакали...

Следующие два месяца я провел в госпитале, расположенном в школе небольшого поселка на ж.д. линии Вологда- Пермь- Свердловск и был выписан с полной демобилизацией по 3-й группе инвалидности. В середине июля с трехдневным сухим пайком, ~~обмундированный~~ в веткое б/у: обмотки, прожженная шинель, пилюлька, тощий, вооруженный самодельной палкой, я прибыл в Свердловск. Город поразил меня своей многолюдностью. В Ленинграде подобное скопление людей я видел только на праздниках, причем, на главных улицах. Здесь же особенная толча и суэта наблюдалась на вокзале и прилегающих территориях, причем, и на удаленных от вокзала улицах, у пруда большого и длинного, чувствовалась перенаселенность. Вернувшись на вокзал после непродолжительного турне по городу, я расположился в небольшом сквере, чтобы

перекусить. Вскоре увидел полковника с пустым рукавом и с красной повязкой "комендатура" на здоровой руке. Он медленно двигался по скверу, останавливаясь перед солдатами, густо сидевшими на скамейках и ограждениях газонов. Подойдя ко мне он спросил: "Ленинградский и не дожидаясь ответа продолжал: "ты горожанин и хочешь, наверное, остаться здесь в городе, но послушай меня, я знаю как живется здесь выжариваемым, тем более не местным. Уезжай отсюда в какойнибудь сельский район, вот, например, утром пойдет поезд на юг Нязепетровск Бердяш, выбирай любую промежуточную станцию, оттуда можешь добраться до какого-нибудь села, а лучше, райцентра." Так я и поступил. Вагонные попутчики помогли разобраться в окрестной географии. Рано утром, отобедав в буфете Нязепетровская, суп и каша по ж.д. билету без карточек за символическую цену в копейках, я сошел на станции Ункурда, направляясь в большой, как мне сказали, райцентр Белокатай. На станции мне указали домик почты, оттуда меня должны были взять до места назначения. Там уже стояла парная кошовка, местное название тарантаса. И часа через три, с кормежкой лошадей в деревне Шакарна, меня высадили прямо у крыльца военкомата.

Здесь все решения по моему благоустройству были приняты без всяких проволочек. Военкомат направил меня на работу в районный отдел милиции потому, что по документам я принадлежал к пограничникам, т.е. категории НКВД. И случилось это так. Нас университетских комсомольцев-добровольцев зачислили в формирующийся 10 полк НКВД, который в конце сентября понес большие потери под Невской Дубровкой. Его остатки направили в отступающий Выборгский погранотряд, который занял оборону севернее Сестрорецка. Он был доведен до штатного стрелкового полка, сохранил свое название и кадры, особенно сержантский состав, состоявший преимущественно из украинцев.

В районной милиции я получил должность помощника оберуполномоченного, хотя занимался самостоятельным делом. В новом качестве я адаптировался довольно быстро благодаря кураторству самого начальника капитана Киселева, профессионального работника. Работа моя складывалась в основном из командировок по району на расстоянии 40-60 км. По должностному штатному расписанию за мной закреплялась лошадь под седлом, колесная и санная кошовка исключалась. Очень скоро пришлось понять, что всадник из меня не получился. Дело в том, что моя левая нога сгибалась примерно на 30 процентов, увеличение длины стремени не спасало. Постоянная опора на ногу в стремени вызывала сильную боль и онемение всей ноги.

Меня взял на работу председатель райисполкома Караваев. Сначала я выполнял обязанности инспектора по делам эвакуированных, их в районе насчитывалось около 300. Затем, когда последовало учреждение нового подразделения, я стал заведующим отдела мобилизации рабочих на различные сезонные и аккордные работы: лесозаготовки, сенокос, обмолот, но главным образом набором в ФЗО и ремесленные училища уральских заводов: Белорецк, Сатка, Златоуст. Мое руководство особо внимание обращало на мобилизацию подростков из башкирских деревень, где уровень жизни складывался близким к критической отметке...

В сентябре 1944 года осуществилась, наконец, моя надежда, сопровождавшая меня все годы в Уральской глубинке, я вернулся /через Саратов/ в Ленинград, в Университет на философский факультет.

Таб — /Галактиондова В.Д./

Вдова профессора факультета
социологии С-Петербургского
Университета Галактиондова
Анатолия Анатольевича,
умершего 13.10.2002?

29 декабря 2014?